

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК

ИЗ ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОШЛОГО

ИСКУССТВО,
КОТОРОЕ
НЕ ПОВТОРИТЬ...

ЭТО БЫЛО летом сорок шестого — первого послевоенного года. Свердловск, как и вся страна, только начал приходить в себя после войны. Еще не были отменены карточки на хлеб и продукты. В некоторых школах по-прежнему размещались госпитали. На улицах встречалось немало людей в военной форме, с погонами и без них. В переполненных трамваях старого образца окна на площадках еще забивались фанерой вместо сломанных стекол.

Трудной была жизнь, но работали теперь все по восемь часов вместо прежних одиннадцати. Времени для отдыха стало больше, и свердловчане, жившие «не хлебом единым», осаждали кассы кино, театров, филармонии. Это зимой. А в летнее время, когда театры выезжали на гастроли, а в кино попасть не удавалось, устремлялись в сад имени Вайнера или в Парк культуры и отдыха имени Маяковского.

На центральной площадке сада имени Вайнера вокруг цветочных клумб и небольшого фонтана отдыхали те, кто постарше. Слушали старинные вальсы в исполнении духового оркестра. Любители тишины уходили в читальный зал. По тенистым аллеям гуляла молодежь, с нетерпением ожидая, когда начнет работать танцевальная площадка. С восьми часов отсюда начинали доноситься звуки популярных в те годы танго и фокстротов «Счастье мое», «Люблю» или «В парке Чайр». В девять вечера раздавались звонки — это

приглашал к себе летний эстрадный театр.

С большим успехом в то лето проходили встречи со зрителями киноактеров Петра Алейникова, Чеслава Сушкевича, Павла Шпрингфельда, выступления Мирова и Дарского. Много зрителей привлекали опыты психоэкспериментатора Григория Гутмана, который устраивал сеансы массового гипноза.

Но больше всего запомнилось из того времени выступление Александра Вертинского. Прежде всего, наверно, потому, что его имя было овеяно ореолом романтики. Ведь артиста помнили еще наши родители, а теперь его можно было увидеть нам самим. Повышенный интерес к Вертинскому вызывало и то обстоятельство, что он недавно вернулся из эмиграции. Но самым, пожалуй, важным было то, что в артисте счастливо сочетались и поэт, и композитор, и талантливый исполнитель.

Выступления Вертинского проходили в эстрадном театре сада при переполненном зале. Билеты на его концерты достать было очень трудно, хотя по тому времени стоили недорого.

Он выходил на сцену в дорогом, модно сшитом костюме, в белоснежной сорочке с галстуком, лакированных туфлях. Редущие волосы были гладко причесаны и блестели в лучах света. Аристократическая внешность, несколько уставшее и немного грустное выражение лица. Слова он произносил с проносом, слегка грассируя. Но что особен-

но бросалось в глаза и что было присуще только ему, это очень яркие, образные жесты и мимика, необычайное пластическое мастерство. Одним движением руки, поворотом головы артист мог передать настроение, душевное состояние человека.

Голос у Вертинского был небольшой, если можно так сказать, камерный, какой-то домашний, рассчитанный на узкий круг людей. А пел он, как и все эстрадные павцы в то время, без микрофона. Выступление проходило под аккомпанемент рояля, за которым находился Михаил Брехес. Когда пел Вертинский, зал замирал, и всем было хорошо слышно каждое слово песни, виден каждый жест артиста, выражение его глаз и лица.

Много позднее во вступительной статье к мемуарам Вертинского «Четверть века без родины» писатель Лев Никулин вспоминал:

«Вертинский сам говорил, что у него нет голоса, но он обладал искусством выразительного жеста. Это позволяло ему без грима, мгновенно создавать образ — то светского хлыща, то капризной и глупой дамы-щеголихи, то мечтателя, то бродяги-поэта... Главной особенностью исполнения Вертинского было то, что его песенка была своеобразной театральной пьеской, которая длилась всего две-три минуты и блестяще разыгрывалась талантливым актером».

В тот вечер, 20 июня 1946 года, особым успехом у публики пользовалась написанная в эмиграции и проникнутая ностальгией песня «В степи

молдавнской». Исполняя ее, артист будто бы снова переживал сматенное состояние души человека, оторванного от дома, неизбывную тоску по родной земле.

А когда засыпают березы
И поляны отходят ко сну,
Ох, как сладко,
как больно сквозь слезы
Хоть взглянуть на
родную страну.

В своих воспоминаниях Александр Вертинский так описывал рождение этой песни. Это было в Бессарабии, которая находилась тогда под оккупацией буржуазно-помещичьей Румынии:

«В синем небе высоко кружил ястреб. Ласточки сидели на телеграфной проволочке, и кругом, куда ни кинешь взгляд, — степь и степь. Так похоже на Родину! Иногда под вечер в степи мы встречали цыганский табор. Настоящий табор, о котором всю жизнь слышишь в романах, к стати сказать, написанных людьми, никогда его не видевшими. Горели костры. Кибитки стояли полукругом с поднятыми оглоблями. Мы останавливались, шли к цыганам, садились к костру, ужинали, пили вино, слушали песни. Под гитарные переборы грустили о Родине. А степь была уже серебряной от лунного света, звенели цикады, кричали перепела, и было много общего между жизнью этих людей без родины и моей. Так родилась моя песня «В степи молдавнской».

В тот вечер Вертинскому пришлось исполнить эту песню несколько раз.

Во втором отделении зрители никак не хотели отпустить артиста со сцены, громко и много аплодировали, кричали «бис!», «браво!». Сверх программы Вертинский исполнил еще несколько песен.

Позднее, когда удавалось увидеть Вертинского то в роли кардинала в фильме «Заговор обреченных», то в роли князя в «Анне на шее», в ряде других кинокартин, всякий раз вспоминался тот концерт, талантливое исполнение Вертинским собственных песен.

Потом Вертинского не стало. Остались только пластинки с записью его голоса... «Вместе с Вертинским, — писал Лев Никулин, — умер созданный им на эстраде жанр, и сколько бы ни старались подражатели, никто не в состоянии его продолжить или повторить, потому что искусство артиста было своеобразно и он умел им владеть как никто другой. Для этого надо было не только обладать талантом, но и прожить жизнь, полную тревожений, искушений, ошибок и поисков настоящего счастья».

Не так давно, перебирая свой архив я наткнулся на небольшой пожелтевший от времени листок — программу концерта, состоявшегося более тридцати лет назад. Этот маленький документ, отпечатанный на простой газетной бумаге, и помог восстановить в памяти события, казалось, безвозвратно ушедшие в прошлое.

Б. КОЗУЛИН.

СВЕРДЛОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИЛАРМОНИЯ

Сад театр им. Вайнера

КОНЦЕРТЫ

Александр ВЕРТИНСКОГО